

**НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В ТРУДОИЗБЫТОЧНОМ РЕГИОНЕ:
ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ МАСШТАБОВ И ДИНАМИКИ****Аликбер Гаджиевич ЭСКЕНДЕРОВ^а, Гаджи Гаджибрагимович ГАДЖИЕВ^{б,*},
Валентин Васильевич КАШИРИН^с, Наида Гаджиевна КЕЛЬБИХАНОВА^д**^а кандидат экономических наук, доцент кафедры управления образованием факультета управления, Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Российская Федерация
eskenderova5@mail.ru^б кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и предпринимательства технологического факультета, Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Российская Федерация
avai54@mail.ru^с доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
kavava@list.ru^д старший преподаватель кафедры экономики и предпринимательства технологического факультета, Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Российская Федерация
naidakelb@mail.ru

* Ответственный автор

История статьи:Получена 26.04.2017
Получена в доработанном виде 02.06.2017
Одобрена 26.06.2017
Доступна онлайн 15.09.2017

УДК 331.5

JEL: E24, E26, R23

Аннотация**Предмет.** Методологические аспекты определения и измерения неформальной занятости в экономике на уровне национального хозяйства рассмотрены во многих научных трудах, а проблемы неформальной занятости на уровне регионов и существенные различия между ними остаются малоизученными. Этому и посвящена статья.**Цели.** Рассмотрение роли, особенностей и проблем развития неформальной занятости в экономике трудоизбыточного региона.**Методология.** На основе сравнительного анализа формального и неформального секторов занятости и критериев их возможной сегментации дается оценка масштабов и динамики занятости в Республике Дагестан.**Результаты.** Определено, что наличие высокого уровня неформальной занятости в регионе значительно сужает возможности региональных властей в решении проблем финансирования образования, медицинского обслуживания, повышения прожиточного минимума, оказания социальной помощи слаботзащищенным категориям населения – инвалидам, многодетным семьям и одиноким родителям. Оно также приводит к деформации регионального рынка труда, не стимулирует трудоспособное население к получению востребованных рынком труда специальностей и необходимого уровня квалификации. Использованный в работе способ оценки масштабов неформальной занятости в трудоизбыточном регионе на примере Республики Дагестан свидетельствует о том, что доля занятых в неформальном секторе экономики республики в целом в 2,5 раза выше, чем в среднем по России. Показано, что не всегда уровень неформальной занятости зависит от использования внутреннего потенциала создания рабочих мест и развития экономики республики.**Выводы.** Решение проблем неформальной занятости и создания новых рабочих мест в формальном секторе связано со снижением административных барьеров и ограничений доступа в бизнес, обеспечением правовой защиты собственности, стимулированием строительства новых и расширением действующих предприятий и производств.**Ключевые слова:**трудоизбыточный регион,
формальная занятость,
неформальная занятость,
рабочие места, предприятие

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Для цитирования: Эскендеров А.Г., Гаджиев Г.Г., Каширин В.В., Кельбиханова Н.Г. Неформальная занятость в трудоизбыточном регионе: подходы к оценке масштабов и динамики // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, № 9. – С. 1654 – 1668.
<https://doi.org/10.24891/re.15.9.1654>

Основной проблемой, ограничивающей такого феномена, как неформальная возможности всестороннего изучения занятость, является отсутствие

общепризнанного инструментария измерения динамики, масштабов и характеристик ее проявления: половозрастной структуры, уровня образования, квалификации, трудовой мобильности, заработной платы, правового регулирования и т.д. Наиболее глубоко методологические аспекты природы, источников формирования, способов измерения показателей неформального рынка труда на уровне национальной экономики рассмотрены в трудах сотрудников Центра трудовых исследований НИУ Высшей школы экономики, особенно в работах В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшника и А. Зудиной [1–4]. Однако причины значительного расхождения масштабов и динамики неформальной занятости в регионах страны остаются недостаточно изученными.

В условиях значительной дифференциации обеспеченности регионов трудовыми ресурсами роль неформального работника в экономике (особенно в сфере услуг, в замещении занятых малоквалифицированным трудом) резко возрастает. Неформальный работник, по существу, не участвует в формировании государственных внебюджетных фондов, а в формировании государственного бюджета участвует лишь частично, уплачивая косвенные налоги. Он находится вне государственного налогового, пенсионного, трудового (стаж работы, условия труда и его оплата, продолжительность рабочей недели и т.д.) регулирования. По мнению Д.Г. Магомедовой и Э.Р. Магомедовой [5], его главной целью, особенно в трудоизбыточном регионе, является обеспечение средствами существования себя и семьи.

Неформальный сектор внутри трудоизбыточного региона имеет весьма низкие показатели технологического уровня и производительности труда, что снижает эффективность использования трудовых ресурсов. Это, как считают И. Воскобойников, В. Гимпельсон [6],

Р.М. Магомедов, М.И. Абакаров, И.Ю. Гашимова [7] и В.З. Петросянц, С.В. Дохолян, Д.В. Петросянц [8], ограничивает возможности стабилизации и развития экономики не только данного региона, но и страны, обеспечения приемлемых темпов экономического роста в будущем, особенно в высокотехнологичных обрабатывающих отраслях.

В исследованиях В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшника [3] и других авторов, посвященных рассматриваемой проблеме, разграничения в понятиях «неформальный сектор» и «неформальная занятость» проводятся на основе различия подходов к их определению. При этом выделяют два подхода: производственный (в отношении понятия «неформальный сектор») и более широкий – легалистический (в отношении понятия «неформальная занятость»).

В первом случае при идентификации неформальных работников учитываются особенности хозяйствующих единиц: ведение деятельности без официального правового оформления и небольшое количество персонала (10 и менее человек).

Во втором случае J. Saavedra, A. Chong [9] и R. Kanbur [10] исходят из особенностей конкретных рабочих мест, отсутствия официальных договоров, отчислений во внебюджетные фонды, неуплаты налогов, несоблюдения других норм законодательства о труде.

Международная организация труда (МОТ) в оценках неформальной занятости придерживается легалистического подхода.

Таким образом, в структуре рынка труда следует выделить два сектора: формальный и неформальный, другими словами, два вида занятости: формальная и неформальная. Взаимосвязи между формальным сектором занятости и неформальным обнаруживаются при их сегментации по определенным признакам или критериям. В формальном секторе по признаку качества рабочих мест можно выделить два сегмента: с лучшими

и с худшими рабочими местами. Работники, занятые в первом сегменте, довольны своей работой и заработной платой, а во втором – нет. Последние, как правило, стоят перед дилеммой, остаться работать в этом сегменте или искать альтернативные источники доходов, уходя в неформальный сектор. В неформальном секторе также можно выделить два сегмента:

- первый – образуют индивидуальные предприниматели, самозанятые высококвалифицированные специалисты, и поэтому он имеет ограничения в доступности;
- второй – имеет свободный доступ и непопулярные рабочие места, включая занятых по найму у предпринимателей без образования юридического лица и отдельных граждан.

Между первыми сегментами формального и неформального секторов существуют очевидные прямые и обратные устойчивые связи. Такие же связи существуют и между вторыми сегментами этих секторов. Перекрестные же связи между сегментами секторов могут быть недостаточными или опосредованными. В то же время эти связи являются сложными, взаимопроникающими и происходящими с разной интенсивностью.

В трудоизбыточном регионе интенсивность связей между формальным и неформальным секторами рынка труда в разы выше, чем на рынке, где спрос и предложение на рабочую силу находятся в определенном равновесии.

На рынке труда трудоизбыточного региона постоянно существует крупный по численности резерв потенциальной рабочей силы. Этот резерв состоит из тех, кто:

- ушел из формального сектора (особенно из его второго сегмента);
- потерял связь с формальным сектором ранее и не считает его эффективным и справедливым для себя;
- не нашел работу и во втором сегменте неформального сектора;

- стал официально зарегистрированным безработным;
- вступил в трудоспособный возраст и впервые ищет работу.

Среди наиболее важных проблем, характерных рынку труда такого трудоизбыточного региона как Республика Дагестан, можно выделить [11, 12]:

- значительный дисбаланс между растущей численностью трудовых ресурсов и имеющимися в республике рабочими местами;
- деформацию системы трудовых отношений, обусловленную значительными масштабами занятости в неформальном секторе экономики;
- ухудшение качественных характеристик системы рабочих мест;
- отсутствие экономического интереса у работников в результатах своего труда из-за низкого уровня его оплаты;
- значительную дифференциацию напряженности рынка труда (отношение численности ищущих работу к количеству вакансий) по городам и районам республики.

В трудоизбыточном регионе неформальная занятость имеет отличительные особенности от других регионов. В Республике Дагестан, кроме прочего, они обусловлены:

- относительно высокими темпами естественного прироста населения;
- высокой долей сельского населения в общей численности жителей республики (на начало 2014 г. в России она составляла около 26%, а в Дагестане – 54,9%);
- дисбалансом между спросом предприятий и организаций формального сектора на рабочую силу и структурой ее предложения по востребованным рынком труда профессиям, специальностям и квалификации.

В республике молодежь, вступающая в трудоспособный возраст, является одним из основных источников пополнения неформального сектора (как правило, его второго сегмента). Это касается и выпускников общеобразовательных школ, которым требуется профессиональное обучение по рабочим специальностям, востребованным рынком труда, и выпускников высших учебных заведений, специализация которых не соответствует требованиям вакантных рабочих мест в формальном секторе. В этой связи правы К.К. Курбанов, М.А. Юнусов [13] и Т.В. Ускова [14] в том, что профессиональная ориентация населения сохраняет свое значение в качестве приоритетного направления активной политики занятости, содействуя развитию человеческих ресурсов путем планирования, поддержки и сопровождения профессиональной карьеры человека. Она является формой регулирования рынка труда, обеспечивает связь профессионального образования с реальной потребностью в квалифицированных кадрах с учетом изменения условий и содержания профессиональной деятельности.

Неформальный сектор республики по своей природе имеет сложную, неоднородную структуру и состоит из различных групп занятых.

Например, А.Ш. Ахмедуев и С.М. Иляшенко [15] выделяют следующие категории:

- занятые по найму, не требующие специальной подготовки и квалификации;
- индивидуальные предприниматели, открывшие свой бизнес;
- самозанятые профессионалы высокой квалификации, оказывающие личные услуги;
- самозанятые в сельском хозяйстве;
- нерегулярно и сезонно занятые.

Мобильность трудоспособных граждан Республики Дагестан, желающих трудоустроиться за ее пределами на

постоянную, временную или сезонную работу, межсекторная и внутрисекторная мобильность работников внутри региона имеет весьма высокую интенсивность. Причин этому множество. Но в качестве основных можно выделить две:

- республика менее урбанизирована (в городах на начало 2014 г. проживало 45,1% населения региона против 74% в Российской Федерации);
- в структуре ее экономики преобладают аграрный сектор, торговля, строительство (в том числе производство строительных материалов).

Следует отметить и то, что рабочие места в неформальном секторе имеют короткий жизненный цикл, а это подрывает стабильность занятости в республике.

Потенциальные работники в регионе со сбалансированным рынком труда имеют возможность сделать сознательный и рациональный выбор между формальной и неформальной занятостью, исходя из выгод, рисков и обстоятельств. При таком выборе ими также учитываются уровень заработной платы в различных секторах (сегментах) занятости, а также наличие или отсутствие социального пакета, сопровождающего работника (социальная защита, условия и охрана труда, режим работы и ее продолжительность, отпуск, перспектива и др.). В трудоизбыточном регионе основным или единственным фактором выбора становится совокупность обстоятельств, определяющих необходимость получения хоть какого-либо дохода для содержания себя и семьи.

Известно, что в Российской Федерации существует высокий уровень неравенства населения, обусловленный существенными различиями в доходах и заработной плате. Это неравенство не в последнюю очередь связано с наличием значительной неформальной занятости. Важной причиной различий в заработной плате работников формального и неформального секторов является территориально-отраслевая принадлежность, которая

заметно ограничивает формирование внутри этих секторов определенной однородности по размерам заработной платы [13].

В трудоизбыточном регионе в неформальном секторе эти различия еще заметнее и их сужение маловероятно, в том числе из-за высокой доли самозанятых, недостаточно связанных с рынком труда, то есть нерегулярно занятых, работающих сезонно и непродолжительное время.

Относительный и абсолютный рост неформальной занятости в Республике Дагестан нельзя объяснить лишь высоким естественным приростом населения, в том числе в сельской местности. Здесь можно привести два конкретных довода:

- во-первых, в формальном секторе республики за 2012–2015 гг. количество рабочих мест сократилось на 34,3 тыс. (с 330,7 тыс. в 2012 г. до 296,4 тыс. в 2015 г.), хотя инвестиции в основной капитал в республике за этот период увеличились на 90,1 млрд руб. (с 152,5 млрд руб. в 2012 г. до 242,6 млрд руб. в 2015 г.). Отсюда следует, что из-за высокой стоимости создания рабочих мест в формальном секторе этот процесс перенаправлен в неформальный сектор;
- во-вторых, аграрная сфера республики не только вносит значительный вклад в производство регионального продукта в целом, но и имеет исключительно высокий, недоиспользуемый потенциал роста, что подтверждается исследованиями З.Ф. Пулатова [16], Г.Г. Гаджиева, Н.Г. Кельбихановой [17], К.К. Курбанова [18]. Полная реализация этого потенциала приобретает особую значимость в условиях применения санкций и необходимости импортозамещения сельскохозяйственной продукции. Это одна сторона проблемы. Вторая – заключается в том, что от эффективности использования сельскохозяйственных ресурсов зависит интенсивность генерации формальной занятости в сельской местности и снижения неформальной.

Проведенный анализ подходов к исследованию сущности, содержания, причинно-следственных связей, формирующих понятие «неформальный сектор» («неформальная занятость»), а также различных аспектов этой сложной проблемы позволяет перейти к практической оценке масштабов и динамики неформальной занятости в экономике Республики Дагестан, относящейся к наиболее крупным трудоизбыточным регионам Российской Федерации.

Для оценки масштабов и динамики неформальной занятости можно использовать ряд подходов (способов).

1. Самую высокую достоверность оценки неформальной занятости на рынке труда могло бы обеспечить лишь сплошное наблюдение, то есть специально организованное наблюдение в целях получения первичной информации, проводимое в соответствии с заранее разработанными системой критериев, методикой и программой. Но реализация данного подхода является весьма затратной и на практике не применяется.
2. Более достоверную оценку неформальной занятости можно получить на основе проведения целевого выборочного обследования, если только не допущена существенная ошибка репрезентативности выборки как разницы между выборочным показателем и его значением, которое было бы получено при сплошном наблюдении. Этот подход можно реализовать на уровне рынка труда Российской Федерации, используя статистические данные, получаемые Росстатом в ходе ежемесячных опросов семей (65 тыс. чел.) в рамках обследования населения по проблемам занятости. При этом к неформальному сектору могут быть отнесены все работники, занятые в хозяйственных единицах, не имеющих статуса юридического лица (кооперативы, фермерские хозяйства, индивидуальные предприниматели

и т.д.). Если в ходе исследования использовать дополнительные фильтры или ограничения (наличие официальной регистрации в соответствии с действующим трудовым законодательством, минимальная численность персонала), то повысится и уровень достоверности оценки. Расчет неформальной занятости в Российской Федерации, выполненный на основе обследования населения по проблемам занятости, проведенного Росстатом в 2012–2014 гг., составляет около 20% от всех занятых в экономике [3]. По мнению В. Гимпельсона и А. Зудиной [1], такая оценка отражает лишь нижнюю границу занятости в неформальном секторе страны. Подобные обследования по проблемам занятости в Республике Дагестан не проводятся.

3. Третий подход оценки неформальной занятости основан на анализе данных баланса труда, представленных в ежегодных изданиях Росстата и Государственного мониторингового центра. При этом из среднегодовой численности занятых выделяют две группы:

- занятых индивидуальным трудом у отдельных граждан (за исключением занятых в домашних хозяйствах, производящих продукцию для продажи);
- занятых в домашних хозяйствах, производящих продукцию для реализации (продажи).

Обе группы относятся к неформальному сектору. Такой подход, в отличие от второго, учитывает данные Росстата, включая данные налоговой и миграционной статистики. В этом случае удельный вес неформальных работников в общей численности занятых в экономике России увеличивается и составляет 25%.

Произведенные нами расчеты на основе этого способа показывают, что неформальная занятость в Республике

Дагестан в 2012 и 2013 гг. составляла 58,2 и 62% соответственно¹.

В то же время за 2012–2014 гг. разница между количеством граждан, приехавших на работу в республику из других регионов России и выезжавших на работу в другие регионы, была отрицательной и выросла на 25,1% (с 33,5 тыс. чел. в 2012 г. до 41,9 тыс. чел. в 2014 г.). Численность иностранных работников, занятых в регионе, увеличилась в 5,9 раза (с 1,6 тыс. чел. в 2012 г. до 9,5 тыс. чел. в 2014 г.).

4. Суть четвертого подхода состоит в следующем. Численность занятых в неформальном секторе можно определить как разность между количеством экономически активного населения и количеством безработных (по методологии Международной организации труда к безработным отнесены лица 16 лет и старше, в статусе которых одновременно представлены три критерия: отсутствие доходного занятия, осуществление поиска работы и готовность приступить к работе) и занятых в формальном секторе (по отчетности организаций, официально зарегистрированных как юридические лица в соответствии с действующим законодательством). В этом случае общая численность занятых в неформальном секторе включает всех занятых вне формального сектора (вне организаций):

- самозанятых, в том числе предпринимателей без образования юридического лица;
- занятых по найму у таких предпринимателей;
- отдельных граждан, занятых в домашних хозяйствах производством продукции для реализации и др.

В этом случае показатель уровня неформальной занятости в Российской Федерации возрастает до 30% (в 2014 г.).

¹ Расчеты проведены авторами на основе балансов трудовых ресурсов за 2012 и 2013 гг., опубликованные Дагестанстатом в 2014 г.

Таким образом, доля неформальной занятости в общей численности занятых в экономике России, определенная разными способами, в 2014 г. составила 20, 25 и 30%, а в качестве среднего значения можно принять 25%.

Для оценки неформальной занятости в трудоизбыточном регионе (например, в Республике Дагестан) в соответствии с четвертым подходом имеются необходимые данные, представленные в *табл. 1*.

Анализ этих данных свидетельствует о том, что за 2010–2015 гг. численность занятых на всех предприятиях и во всех организациях республики, имеющих статус юридического лица и представляющих формальный сектор, сократилась с 327,1 до 296,4 тыс. чел., или на 10,4%. В то же время разность между общей численностью занятых в экономике и численностью занятых в организациях в рассматриваемом периоде составила 861,4 тыс. чел. и увеличилась за пять лет на 105,3 тыс. чел., или на 13,9%.

В итоге к концу 2015 г. к неформально занятым в республике при таком подходе определения можно отнести около 74,4% всех занятых в экономике, а с учетом оценки доли занятых в неформальном секторе экономики республики по третьему способу – 62%. Средним значением неформальной занятости в 2015 г. можно считать примерно 67,5% всех занятых в экономике Республики Дагестан (при среднем показателе по Российской Федерации, составляющем 25%). При этом в динамике общей численности занятых в экономике прослеживается рост неформальной занятости и снижение формальной занятости (*рис. 1*).

Таким образом, актуальность проблемы неформальности на рынке труда трудоизбыточного региона неоспорима. Кроме того, эта проблема имеет ряд причинно-следственных связей. Так, следствием неформальной занятости является проблема бедности из-за того, что

большая часть работников в этом секторе не имеют необходимого образования, квалификации и получают низкие доходы. Например, по оценке Е. Ефимовой [19], в Республике Дагестан доля низкооплачиваемых работников в численности занятого населения в 2009 г. составляла 40,1%, а в теневой занятости – 46,9%.

Другим следствием неформальности на рынке труда является фискальная проблема, порождаемая тем, что занятые в неформальном секторе не платят налоги и не делают отчисления в государственные внебюджетные фонды, а это ограничивает бюджетные возможности государства в развитии социальной сферы и подрывает налоговую дисциплину. Следует также учитывать и то, как это справедливо отмечают R. La Porta и A. Shleifer [20], что низкие технологический уровень производства и уровень производительности труда в неформальном секторе ведут к неэффективному использованию труда и других производственных ресурсов. Вследствие этого обостряется проблема обеспечения экономического развития и темпов роста экономики.

Многоаспектность проблемы неформальности, глубина и масштабы ее негативного воздействия на социально-экономические процессы требуют использования целого комплекса разнообразных мер по смягчению ее последствий и сужению масштабов. Но полное устранение неформальной занятости на рынке труда, тем более трудоизбыточного региона, на наш взгляд, задача неразрешимая. Так, устранение неформальной занятости лишь ужесточением административных мер может оказаться неэффективным из-за резкого роста безработицы и ухудшения условий развития бизнеса. Неблагоприятные условия развития бизнеса, при наличии большого числа людей, ищущих работу, желающих и способных работать, не стимулируют

создание новых рабочих мест в формальном секторе и ведут к росту неформальной занятости. Поэтому к административным мерам следует относиться с большой осторожностью.

Ранее отмечалось, что на рынке труда Республики Дагестан прослеживается достаточно выраженный тренд роста неформальной занятости. Это объясняется целым рядом причин, в том числе:

- высокими темпами естественного прироста населения;
- высокой долей сельского населения в общей численности жителей;
- несоответствием динамики и структуры предложения труда динамике и структуре спроса на него;
- низкой долей занятых в формальном секторе в общей численности занятых в экономике и другими причинами.

Но важнейшей причиной роста неформальной занятости на рынке труда республики остается постоянно растущая масса сельских жителей трудоспособного возраста с низкой квалификацией или без квалификации. Последние в основном ищут работу в городах региона, где единственной доступной им сферой получения дохода является неформальный сектор. Чтобы получить работу в формальном секторе, такие работники должны пройти профессиональную подготовку, обучение и переобучение, что долго и затратно для работодателей.

Неформальный сектор в городах республики имеет свои пределы роста. Дополнительное давление на него со стороны сельских жителей ведет как к снижению заработков, занятых в нем, так и к усилению нагрузки на социальную инфраструктуру городов, что служит дестабилизирующим фактором.

Важнейшими направлениями смягчения последствий неформальной занятости в аграрном секторе республики и снижения ее роста должны стать создание

максимально возможного количества формальных рабочих мест в сельской местности путем строительства на сельских территориях перерабатывающих производств, зональных (межрайонных) хранилищ продукции, вовлечения в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земельных ресурсов и др. [17].

На наш взгляд, рост производства сельскохозяйственной продукции (мяса, молока, садоводческой продукции и овощей) в республике возможен при условии строительства в сельской местности (например, в районных центрах) малых производств по ее первичной переработке, а также за счет создания организаций по ее закупке и хранению, что обеспечит создание в сельской местности дополнительных рабочих мест. Но самое главное – это повышение заинтересованности сельских домашних хозяйств в росте производства продукции, что в настоящее время непосредственно связано с возможностью обмена произведенной продукции на «живые» (наличные) деньги по приемлемой для производителей цене. В настоящее время они не имеют такой возможности из-за высокой стоимости перевозки продукции (особенно в небольших объемах) на рынки в города, возможных затрат на собственное содержание в период реализации продукции, а также из-за затрат, связанных с доступом на эти рынки. Оба варианта – реализация продукции на месте посредникам по бросовой цене и самостоятельная реализация с вывозом на рынки – не обеспечивают производителям приемлемый уровень удовлетворенности от соотношения затрат и полученных доходов. В этом и заключается суть проблемы, сдерживающей рост производства сельскохозяйственной продукции в республике.

Современная государственная аграрная политика России, направленная на импортозамещение сельскохозяйственной продукции, предоставляет республике

уникальный шанс для развития агропромышленного комплекса высокими темпами на основе использования различных форм государственно-частного партнерства в привлечении инвестиций, создании вертикально интегрированных бизнес-структур, логистических центров, различных форм сельскохозяйственной кооперации. В последние годы определенная работа в этом направлении в республике уже ведется. Об этом свидетельствуют два примера – двукратное снижение за последние 10 лет безработицы, рассчитанной по методологии МОТ (с 23 до 11,9%), хотя численность экономически активного населения за этот период увеличилась на 10%, и двукратное сокращение площади необрабатываемых пахотных земель (с 344 до 170 тыс. га) в связи с их вовлечением в сельскохозяйственный оборот.

В целом решение проблемы ограничения роста неформальной занятости как на

уровне России, так и на уровне трудоизбыточного региона требует создания комплекса условий наибольшего благоприятствования развитию бизнеса, предполагающих:

- снижение административных барьеров и ограничений;
- обеспечение полной правовой защиты собственности;
- облегчение доступа в бизнес;
- стимулирование строительства новых и расширения действующих предприятий и производств.

Именно такие условия необходимы для массового создания новых рабочих мест в формальном секторе. Это будет способствовать вначале замедлению процесса расширения неформальной занятости, а затем и снижению ее уровня.

Таблица 1

Количественные показатели рынка труда Республики Дагестан за 2000–2015 гг.

Table 1

The labor market quantitative indicators of the Republic of Dagestan for 2000–2015

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность экономически активного населения – всего, тыс. чел.	962	1 195,7	1 271,7	1 358,9	1 329,2	1 320,1	1 324,7	1 313,6
В том числе:								
– безработные (по методологии Международной организации труда)	255,1	264,1	188,5	172,2	155,3	152,8	135,2	155,8
Занятые в экономике – всего, тыс. чел.	706,9	931,6	1 083,2	1 186,2	1 173,9	1 167,3	1 189,5	1 157,8
В том числе:								
– занятые в организациях (в формальном секторе)	–	–	327,1	326,1	330,7	321,6	304,3	296,4
– занятые вне организаций (в неформальном секторе)	–	–	756,1	860,1	843,2	845,7	885,2	861,4

Источник: данные Дагстата

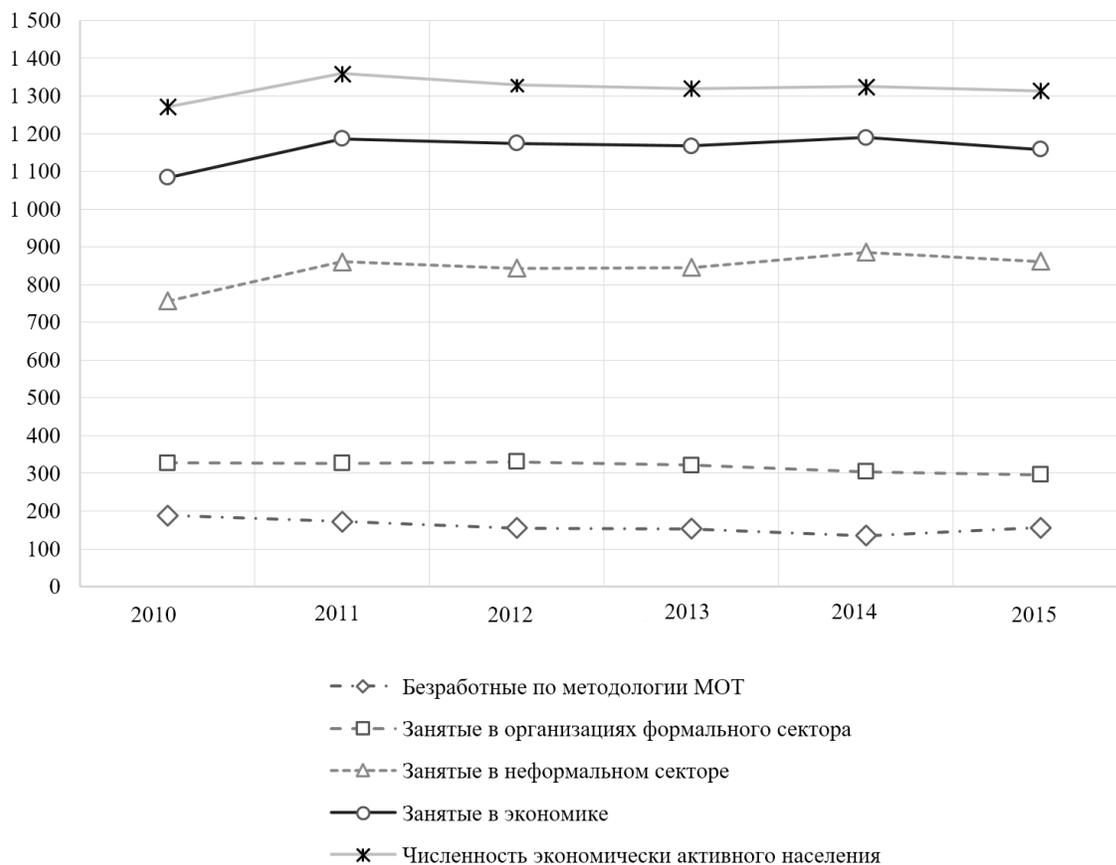
Source: Dagstat

Рисунок 1

Динамика численности экономически активного населения, занятого в формальном и неформальном секторах экономики Республики Дагестан в 2010–2015 гг., тыс. чел.

Figure 1

Trends in the number of economically active people employed in the formal and informal sectors of the economy of the Republic of Dagestan in 2010–2015, thousand person

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Гимпельсон В., Зудина А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 53–76.
2. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография. М.: ВШЭ, 2014. 535 с.
3. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 65–88.
4. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 87–119.
5. Магомедова Д.Г., Магомедова Э.Р. Рост теневой экономики – главный фактор обеспечения занятости и снижения уровня бедности в депрессивных регионах Северного Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2012. № 5. С. 49–54.

6. *Воскобойников И., Гимпельсон В.* Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // *Вопросы экономики*. 2015. № 11. С. 30–61.
7. *Магомедов Р.М., Абакаров М.И., Гашимова И.Ю.* Особенности государственного регулирования социально-экономического развития депрессивных регионов в условиях финансового кризиса // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2015. № 12. С. 172–176.
8. *Петросянци В.З., Дохолян С.В., Петросянци Д.В.* Концептуальные основы формирования организационно-экономического механизма регулирования регионального развития // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 4. С. 51–58.
9. *Saavedra J., Chong A.* Structural Reform, Institutions and Earnings: Evidence from the Formal and Informal Sectors in Urban Peru. *Journal of Development Studies*, 1999, vol. 35, iss. 4, pp. 95–116. doi: 10.1080/00220389908422582
10. *Kanbur R.* Conceptualising Informality: Regulation and Enforcement. *Indian Journal of Labour Economics*, 2009, vol. 52, iss. 1, pp. 33–42.
URL: <http://www.isleijle.org/ijle/IssuePdf/f361bdfd-6254-4f4c-a731-68108dfc44ba.pdf>
11. *Эскендеров А.Г., Гаджиев Г.Г., Гасанова М.Д.* Направления обеспечения занятости населения в трудоизбыточном регионе // *Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки*. 2015. № 5. С. 94–99.
12. *Магомедова М.М., Гимбатов Ш.М., Султанов Г.С.* Совершенствование механизма управления социально-экономическим развитием территорий Республики Дагестан // *Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки*. 2013. № 5. С. 14–22.
13. *Курбанов К.К., Юнусов М.А.* Территориально-отраслевая структура и формирование трудового потенциала села // *Апробация*. 2014. № 7. С. 69–70.
14. *Ускова Т.В.* Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // *Проблемы развития территорий*. 2016. № 2. С. 7–18.
15. *Ахмедуев А.Ш., Иляшенко С.М.* Теневая экономика Дагестана: проблемы и пути легализации // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2013. № 1. С. 120–127.
16. *Пулатов З.Ф.* Специализация сельского хозяйства – ключевое направление импортозамещения в Дагестане // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 2. С. 31–37.
17. *Гаджиев Г.Г., Кельбиханова Н.Г.* Опыт и проблемы развития крестьянских (фермерских) хозяйств в экономике Республики Дагестан // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2014. № 1. С. 25–29.
18. *Курбанов К.К.* Основные направления социальной политики развития сельских территорий Дагестана // *Вопросы структуризации экономики*. 2009. № 2. С. 136–138.
19. *Ефимова Е.* Низкооплачиваемые работники на рынке труда субъектов Российской Федерации: о чем молчит российская статистика // *Вопросы экономики*. 2011. № 10. С. 77–90.

20. *La Porta R., Shleifer A.* Informality and Development. *Journal of Economic Perspectives*, 2014, vol. 28, iss. 3, pp. 109–126. doi: 10.1257/jep.28.3.109

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**INFORMAL EMPLOYMENT IN THE LABOR-SURPLUS REGION:
APPROACHES TO ASSESSING THE EXTENT AND DYNAMICS****Alikber G. ESKENDEROV^a, Gadzhi G. GADZHIEV^{b,*}, Valentin V. KASHIRIN^c, Naida G. KEL'BIKHANOVA^d**^a Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation
eskenderova5@mail.ru^b Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation
avai54@mail.ru^c Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
kavava@list.ru^d Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation
naidakelb@mail.ru

* Corresponding author

Article history:Received 26 April 2017
Received in revised form
2 June 2017
Accepted 26 June 2017
Available online
15 September 2017**JEL classification:** E24, E26,
R23**Keywords:** excess working
population region, formal
employment, informal
employment, jobs, enterprise**Abstract****Subject** The article discusses the role, characteristics and problems of informal employment development in the economy of the labor-surplus region.**Objectives** We aim to conduct a comparative analysis of the formal and informal employment sectors and the criteria for their possible segmentation, and assess the extent of and changes in informal employment in the Republic of Dagestan.**Results** The method of assessing the extent of informal employment in the labor-surplus region used in the work, as exemplified by the Republic of Dagestan, shows that the proportion of workers in the informal sector of the economy of the Republic as a whole is two and a half times higher than the average for Russia.**Conclusions** Addressing the problems of informal employment and creating new jobs in the formal sector involves reducing administrative barriers and restrictions on access to business, providing legal protection for property, stimulating the construction of new and expanding the existing enterprises and industries.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Please cite this article as: Eskenderov A.G., Gadzhiev G.G., Kashirin V.V., Kel'bikhanova N.G. Informal employment in the labor-surplus region: Approaches to assessing the extent and dynamics. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, vol. 15, iss. 9, pp. 1654–1668.
<https://doi.org/10.24891/re.15.9.1654>**References**

1. Gimpel'son V., Zudina A. ["Informal" people in the Russian economy: how many and who are they?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2011, no. 10, pp. 53–76. (In Russ.)
2. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiiskom rynke truda: monografiya* [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market: a monograph]. Moscow, HSE Publ., 2014, 535 p.
3. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. [To Live in the Shadows or to Die in the Light: Informality in the Russian Labor Market]. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 11, pp. 65–88. (In Russ.)
4. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. [Polarization or upgrading? Evolution of Employment in Transitional Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 7, pp. 87–119. (In Russ.)
5. Magomedova D.G., Magomedova E.R. [Growth of the shadow economy is the major factor for employment and the poverty reduction in the depressed regions of the North Caucasus].

- Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki = Herald of Dagestan State University. Ser. 3. Social Sciences*, 2012, no. 5, pp. 49–54. (In Russ.)
6. Voskoboinikov I., Gimpel'son V. [Productivity Growth, Structural Change and Informality: The Case of Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 11, pp. 30–61. (In Russ.)
 7. Magomedov R.M., Abakarov M.I., Gashimova I.Yu. [Peculiarities of State regulation of the social-economic development of depressive regions in the conditions of the financial crisis]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Transforming the Economy*, 2015, no. 12, pp. 172–176. (In Russ.)
 8. Petrosyants V.Z., Dokholyan S.V., Petrosyants D.V. [Conceptual foundations of forming an organizational-economic mechanism of regulation of the regional development]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Transforming the Economy*, 2016, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.)
 9. Saavedra J., Chong A. Structural Reform, Institutions and Earnings: Evidence from the Formal and Informal Sectors in Urban Peru. *Journal of Development Studies*, 1999, vol. 35, iss. 4, pp. 95–116. doi: 10.1080/00220389908422582
 10. Kanbur R. Conceptualising Informality: Regulation and Enforcement. *Indian Journal of Labour Economics*, 2009, vol. 52, iss. 1, pp. 33–42.
URL: <http://www.isleijle.org/ijle/IssuePdf/f361bdfd-6254-4f4c-a731-68108dfc44ba.pdf>
 11. Eskenderov A.G., Gadzhiev G.G., Gasanova M.D. [Directions of employment in labour-abundant region]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki = Herald of Dagestan State University. Ser. 3. Social Sciences*, 2015, no. 5, pp. 94–99. (In Russ.)
 12. Magomedova M.M., Gimbatov Sh.M., Sultanov G.S. [Improvement of the mechanism of management of the socio-economic development of territories of the Republic of Dagestan]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki = Herald of Dagestan State University. Ser. 3. Social Sciences*, 2013, no. 5, pp. 14–22. (In Russ.)
 13. Kurbanov K.K., Yunusov M.A. [The spatial structure and rural labor potential formation]. *Aprobatsiya*, 2014, no. 7, pp. 69–70. (In Russ.)
 14. Uskova T.V. [Socio-economic development of territories: problems of regional policy efficiency]. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*, 2016, no. 2, pp. 7–18. (In Russ.)
 15. Akhmeduev A.Sh., Ilyashenko S.M. [Shadow economy Dagestan: problems and money]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Transforming the Economy*, 2013, no. 1, pp. 120–127. (In Russ.)
 16. Pulatov Z.F. [The specialty of agriculture is the key area of focus of import substitution in Dagestan]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Transforming the Economy*, 2016, no. 2, pp. 31–37. (In Russ.)
 17. Gadzhiev G.G., Kel'bikhanova N.G. [Experience and problems in the development of peasant (farm) holdings in the economy of the Republic of Dagestan]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki = Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences*, 2014, no. 1, pp. 25–29. (In Russ.)

18. Kurbanov K.K. [The main lines of social policy for development of the rural territories of Dagestan]. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki*, 2009, no. 2, pp. 136–138. (In Russ.)
19. Efimova E. [Low-paid workers in the labor market of the constituent entities of the Russian Federation: What the Russian statistics are silent about?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2011, no. 10, pp. 77–90. (In Russ.)
20. La Porta R., Shleifer A. Informality and Development. *Journal of Economic Perspectives*, 2014, vol. 28, iss. 3, pp. 109–126. doi: 10.1257/jep.28.3.109

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.